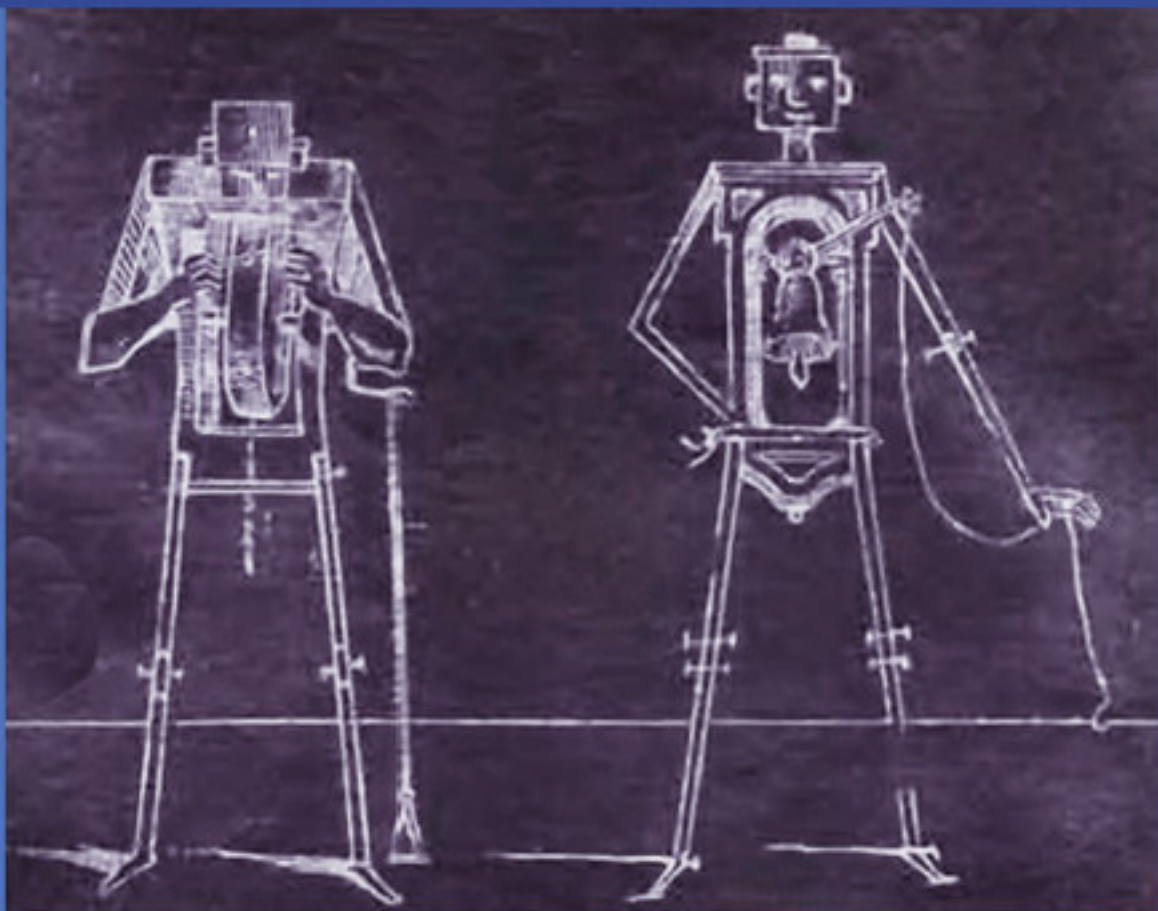

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

Константин
КРАВЦОВ

Аварийное освещение

Константин Кравцов
Аварийное освещение

ИП «Центр современной литературы»

Кравцов К.

Аварийное освещение / К. Кравцов — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-038-9

Кравцов Константин Павлович. Родился 5 декабря 1963 года. Учился в художественном училище в г. Нижнем Тагиле, работал художником-оформителем, журналистом, сторожем, разнорабочим на стройке, дворником, преподавал в средней школе и в епархиальном духовном училище в Ярославле. Окончил Литературный институт им. Горького. В 1999 принял священный сан (РПЦ). Автор трех книг стихов. Публиковался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Интерпоэзия», «Воздух» и др., антологиях «Salt Crystals on an Axe», «Русская поэзия. XX век» «Нестоличная литература», «Современная литература народов России» и др. Лауреат Филаретовского конкурса христианской поэзии в Интернете (2003 г.). Живет в Москве.

ISBN 978-5-91627-038-9

© Кравцов К.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Икона отсутствия, или аварийное освещение	6
Травелог Кравцова	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Константин Кравцов Аварийное освещение

Кравцов Константин Павлович.

Родился 5 декабря 1963 года. Учился в художественном училище в г. Нижнем Тагиле, работал художником-оформителем, журналистом, сторожем, разнорабочим на стройке, дворником, преподавал в средней школе и в епархиальном духовном училище в Ярославле. Окончил Литературный институт им. Горького. В 1999 принял священный сан (РПЦ). Автор трех книг стихов. Публиковался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Интерпоэзия», «Воздух» и др., антологиях «Salt Crystals on an Axe», «Русская поэзия. XX век» «Нестолничная литература», «Современная литература народов России» и др. Лауреат Филаретовского конкурса христианской поэзии в Интернете (2003 г.).

Живет в Москве.

Икона отсутствия, или аварийное освещение

*

Передо мною – новый сборник стихов Константина Кравцова. Удивительно и незаметно: сборник стихов поэта, пишущего в последнем десятилетии двадцатого столетия, и в первом пятилетии двадцать первого. Является ли в этот период поэзия одним из последних бликов цивилизации, или же это только увлечение, наподобие погружения вглубь (сознания или океана, возможно, что и чувств) – ответить страшно. Трудно расставить какие-либо опорные точки. Стихи, о которых я хочу рассказать – для меня самой парадокс. Кравцов мог бы стать, скажем, живописцем, а стал поэтом. Об авторе известно, что он учился в художественном училище. Несколько стихотворений в сборнике посвящены иконописи. В сознании опытного читателя поэт – представитель мира звуков, он музыкант слова. Или всё же художник слова, как Константин Кравцов – вот книга.

*

Когда Владимир Микушевич и Сергей Аверинцев писали стихи и трепетно переводили любимых авторов, в советский круг чтения не входивших, вряд ли они могли представить, какое прочное место займёт христианство в поэзии первого десятилетия следующего столетия. Когда другая культура: Александр Миронов, Леонид Губанов, Ольга Седакова – грелась возле пафосного костра последних поэтов, тайны грядущего тридцатилетия вряд ли согревали её. Поэт Александр Матюшин, который вскоре стал иеромонахом Романом, чувствовал себя одиноким христианином в мире, утратившим христианство.

Судьба союза поэзии и христианства в русской культуре оказалась совсем иной. Может быть, всё, что есть в современной культуре – мощи христианства и поэзии. Всё – поэзия и всё – христианство. Тридцать лет назад предположить было невозможно, чтобы в молодом и успешном светском издательстве вышла книга стихов священника. И дело не в советском режиме, вовсе нет. Изменился не режим, изменилось пространство.

Две уже вышедшие книги Константина Кравцова – «Январь», Э.РА, 2002 г., и «Парастас», изданный в серии Арго-Риска «Воздух» в 2006 г. – тому подтверждение. Предлагаемая читателю книга «Аварийное освещение» – ещё одно звено в цепи союза поэзии и христианства. Кравцов бережно переносит стихотворения, как тела отпеваемых, из книги в книгу. Ведь в «Аварийном освещении» есть стихотворения из «Января» и из «Парастаса». Однако это внешнее сходство обманывать не должно. Стихотворения изменяются, приобретают новые краски и новые формы. Это весьма смелый приём: замедленная, долгая, как величественное богослужение сцена, делящаяся из эпохи в эпоху и застывающая паузой на странице книги. Это образ искомого пространства (некто сказал бы: второго рая) преображённого христианством искусства.

*

Вот отзыв о поэзии Кравцова, который миновать не могу: «одиночное плавание». Он бегло отображает черты этой поэзии, и её символику. Образ воды у Кравцова встречается едва ли не в каждом стихотворении. Чаще всего это лёд, замёрзшая вода: «То коньками изрезанный лёд за бортом, / то ночные под ним проплывут патрули», «квадратом черным дышит иорданью». Плавание во льдах. Оксюморон! Тенью возникает образ Антарктиды, едва ли не Армагеддона, земли Судного Дня. Череп пингвина, похожий на НЛО.

Церковь часто сравнивают с кораблём. Первое стихотворение в книге отсылает к кораблю дураков, а посвящено Ивану Жданову, одному из самых ярких поэтов московской

поэтической оппозиции восьмидесятых, старшему товарищу Кравцова в поэзии. Снова оксюморон. Ведь Кравцов – священник. И тем не менее.

*

Книга открывает мир, в котором уже произошла катастрофа. Название – «Аварийное освещение» – последняя вспышка на метафизическом табло, обозначающая момент катастрофы. То, чего ожидали, что только предполагали и отчасти чувствовали поэты другой культуры, для Кравцова уже произошло. Поэт «Аварийного освещения» находится внутри хаоса, почти во тьме, в которой едва можно отличить живое от неживого, и то не наверняка. К тому же этот поэт – священник. И его прихожанами оказываются не только люди, как живые, так и мёртвые, но и книги, и даже череп пингвина. Поэт вбирает в себя всё, что осталось от прошлого, бережно выкладывая свои прихотливые коллекции перед Богом, как если бы это был он сам. Кравцов-священник пишет о самоубийце Ван Гоге, об Эзре Паунде и Готфриде Бене, о Николае Шипилове и Денисе Новикове. Которые оживают в нём, поэте, и в которых он присутствует стихами и молитвой. Никому из великих не нужны стихи и молитвы, но если поэтическая речь не цель, а способ связи, метафизический телеграф, то возможен ответ. Эй, есть тут кто живой, там, в третьем отсеке. Герой «Божественной комедии» странствует по миру после катастрофы. Он видит то же, что поэт и священник Константин Кравцов.

*

Полые пространства подо льдом – листья как трупные пятна. Стёртый до кости лик. Не просто метафоры или эффектные образы. Это уходящее в древнюю глубину зрение, воспринимающее мёртвых как живых. Живые и мёртвые в поэзии Кравцова равны. Посвящения усопшим: Денису Новикову, Николаю Шипилову – посвящение живым: Ивану Жданову, Ирине Перуновой. Живые как имеющие стать мёртвыми и мертвые для людей как живые для Бога. Фоном возникает снова образ Антарктиды и корабля. Плавание завершается. Приближаемся к Антарктиде. Антарктида – антиземля. Земля наизнанку. Мир после катастрофы – тоже земля наизнанку.

*

Живое, ведущее потустороннее существование – вот основная тема «Аварийного освещения». И русские авангардисты, и обэриуты, и измученные тоской эмигранты, и некто, вещающий в «Основах православной культуры» (Председатель) – все они кажутся более живыми, чем упоминаемые тинэйджерсы и юные сюрреалистки. И наоборот: как раз эти юные мутанты и привлекают взгляд поэта как единственное в новом мире, что обладает дыханием и движением. Музыка сфер для тинэйджерсов – головы-цветы.

*

Мир поэзии Кравцова вместе труден и изящен. В него страшно войти, но там, в этом мире, ожидает помощник, некий неназванный Вергилий, ведущий поэта и читателя по кругам вселенной, в которой уже нет привычной нам земли, а только «полые пространства подо льдом». Условно этот мир можно назвать «Землёй королевы Мод» – легендарной королевы Маб, возникает звуковое эхо. Не античное царство мёртвых, Элизиум. Не шеол, для которого достаточно лампочки, нет. Таинственное и не вполне завершённое пространство, само бытие которого висит на волоске, держится чудом.

*

Лучшие стихи Кравцова напоминают мне стихи Александра Миронова: нервическим, упругим ритмом и двумя весьма редкими в современной поэзии методами: обратной перспективой и тем, что я назвала бы возвратная метафора.

Обратная перспектива возникает в поэзии Кравцова там, где вздыблена весенним льдом память. Будь то эстетское по виду (и вселяющее ужас) воспоминание о Босхе, или же памятная дата давно почившего друга. В обратной перспективе предметы, изображённые на втором плане, кажутся больше тех, что изображены на первом, переднем. В стихах «Алтари твои, Босх...» и «Чукче удаляют камни глупости» над почти мультипликационным чукчей и льдом, изображённым как текущая вода у Тарковского, возвышаются контуры Босховианы. Оба стихотворения (а так же «Юные сюрреалистики с головами-цветами и другие частичные галлюцинации» и «Пересекая таганскую площадь») выполнены в обратной поэтической перспективе. Они опрокинуты в прошлое, как люди в обморочном состоянии. И они ищут (во сне или в грёзах) завершившийся, как упавшее яблоко (Кравцов любит Мандельштама) мир, которого больше нет. На деле есть только место, где когда-то висела икона. Остался отличающийся от стены по цвету, как будто слегка замасленный, прямоугольник. Это и есть икона отсутствия.

*

В стихотворении «Луна Мэла Гибсона», о Страстях Христовых, имя Христа не упоминается. Это принципиальное упоминание может насторожить: в масонском обряде тоже не упоминается имя Христа. Последовательно цитируются строки из Ветхого Завета, имена артистов, географические названия, связанные в сердце поэта со Страстями Христовыми. Говорится и о фильме: «фильм о Пасхе Распятья снимался весной». И только не говорится о Христе. Однако упоминается «голландский австралиец», его игравший. Всё стихотворение – метафора. Возвратная метафора, метафороотражение.

*

Цитаты из Ветхого Завета («Исход») и Нового Завета («Апокалипсис» или «Откровение») выстроены одна напротив другой, в зеркальном коридоре. Поэт намеренно не подчёркивает противостояния, но и не указывает на сходство. Фрагмент из Книги Чисел, описание воинства Израиля – и Небесный Иерусалим. В обоих фрагментах упоминаются Двенадцать колен Израилевых; знаки, прикрепленные к облачениям иудейских первосвященников с именами этих колен. Символ колена (собрания родственников) – конкретный камень (сапфир, яспис и оникс). На камне написано имя колена, и эти камни прикреплены к одеянию первосвященника, осудившего Мессию:

– Тридцать, тридцать, Иуда. На этом сошлись мы —
(Указывает на судный нагрудник с именами колен
Рувима и Симеона, Иуды и Левия, Вениамина,
Иосифа и Ефрема, Манассии, Завулону и Гада,
Дана и Неффалима), мы и ты
– Да, – отвечает Иуда (Лука Лонелло)

Между обоими фрагментами возникает безвоздушное пространство.

Оно сплавляет всё стихотворение (большое и пёстрое) в один фрагмент, словесную фреску. Сразу же после прочтения возникает сильное возвратное движение – к стихотворению «Русский авангард» с эпиграфом из Александра Введенского: кругом возможно Бог...

*

И тогда по всей книге, как после того, как вода Потопа сошла, когда обнажилось, наконец, самое дно катастрофы, возникают как несколько раз повторённые «яспис, сапфир, халкидон» детали пейзажа: камни, низкие деревца, пасмурное небо. Искусство, христианство, музей краеведенья – предстают как вещи – предметы уже не существующего мира в совершенно новой, пугающей вселенной. Священник как капитан корабля, прибывшего – куда: Солярис, Антарктида... Может быть, не священник, а поэт. Или представитель культуры той или иной ушедшей цивилизации.

Наталья Черных

Травелог Кравцова

Итак: Земля была безвидна и пуста;
И называлась та земля Ямал,
но говорить я власти не имел
и имени ее не называл —

– или:

А любить здесь – безлюдную землю узреть,
пережившую воду потопа —

– или:

Вот стоящий по плечи в крови,
сад становится почвой – той красной землей —

– или:

усталые от жатвы небеса
сойдут на землю, ждущую зимовья —

– или:

Флоренский, мерзлота, косые сваи
Бараков детских – мокрых стойбищ крика,
Над ними краски зиждутся, истаяв
До костной ткани содранного лица,
И ягелем горит изнанка слога —

– как замечено критиками, книги стихов Константина Кравцова длятся, перетекают одна в другую, тексты бесконечно плавятся, плывут и кристаллизуются вновь в тигеле авторских редактур, – что ж, для нас с вами это – подарок, велия милость: мы можем войти в них с любого места, не прищуриваясь подслеповато в попытке разобрать дату под стихом (дату, нацарапанную коченеющей на морозе рукой, обгоревшей спичкой на листке, криво устроенном на походном планиете), – если мы останемся внутри поэзиса Кравцова, мы не почувствуем себя в заточении: мы чувствуем ритм движения, покачивание каравана, плеск волны в борт, подергиванье икры уставляющего покрепче ногу в скальный уступ, – стихи Кравцова есть путешествие, его книги – травелог.

Путешествие выбираем из всех – подводное: внутри книг Кравцова – «Приношение», «Январь», «Парастас», вот этой – «Аварийное освещение» – мы путешествуем вместе с автором, как внутри подводной лодки – великолепный образ одного из лучших стихотворений Кравцова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.